Чичерин, Б. Н
К.
Института В. И. Ленина
№ 1381 / 413347.
396 - 1925
ЦДІ
4775

Различные виды либерализма.

Если мы прислушаемся къ тому общественному говору, который раздается со всѣхъ концевъ Россіи, и тайно и явно, и въ клубахъ, и въ гостинныхъ, и въ печати, то не смотря на разнообразіе рѣчей и направленій, мы легко замѣтимъ одинъ общій строй, который владычествуетъ надъ всѣмъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящую минуту общественное мнѣніе въ Россіи рѣшительно либерально. Это не случайное направленіе, не легкомысленное увлеченіе общества. Либеральное движеніе вытекло изъ жизненной необходимости; оно порождено силою вещей. Отрицаніе стараго порядка явилось какъ прямое послѣдствіе его несостоятельности. Для всѣхъ стало очевиднымъ, что безъ извѣстной доли свободы въ благоустроенномъ государствѣ нельзя обойтись.

Такое явленіе не можетъ не порадовать тѣхъ, кому чувство свободы глубоко врѣзалось въ сердце, кто питалъ и лѣлѣялъ его въ тишинѣ своихъ думъ, въ сокровенномъ тайникѣ своей души, въ то время, когда оно изгонялось изъ общества, какъ возмутительное и преступное.

Свобода—лучшій даръ, данный въ удѣлъ человѣку; она возвышаетъ его надъ остальнымъ твореніемъ; она дѣлаетъ изъ него существо разумное, она налагаетъ на него нравственную печать. Въ самомъ дѣлѣ, какой поступокъ имѣетъ цѣну въ нашихъ глазахъ? Какому дѣянію приписываемъ мы нравственную красоту? Не тому, которое совершается по внѣшнему предписанію, изъ страха или изъ слѣпаго поклоненія владычествующимъ силамъ, а тому, которое вытекло изъ недосягаемой глубины совѣсти, гдѣ человѣкъ, наединѣ съ собою, независимый отъ чуждыхъ вліяній, рѣшаетъ, сознательно и свободно, что онъ считаетъ добромъ и долгомъ. Нравственное величіе человѣка измѣряется этою непоколебимою внутреннею силою, недоступною внушеніямъ и соблазнамъ, этою твердою рѣшимостью, которая неуклонно слѣдуетъ свободному голосу правды, которую не сдвинутъ съ мѣста ни изступленные вопли толпы, ни угрозы, ни насиліе, ни даже мученія. За внутреннюю свободу человѣка умирали христіянскіе мученики. И мысль человѣческая истекаетъ изъ неизвѣданной глубины свободнаго разума. Та мысль крѣпка, плодотворна, способна дѣйствовать на волю и переходить въ жизнь, которая не наложена и не заимствована извнѣ, а переработалась въ горнилѣ сознанія и является выраженіемъ свободныхъ убѣжденій человѣка. Внутри сознанія раскрывается безконечный свободный міръ, въ которомъ, какъ въ центрѣ, отражается вселенная. Здѣсь человѣкъ—полновластный хозяинъ;

здѣсь онъ судитъ и насиліе, которое налагаетъ на него руку, и безуміе, которое хочетъ заглушить голосъ разума; здѣсь вырабатываются тѣ идеи, которымъ суждено измѣнить лице земли и сдѣлаться путеводнымъ началомъ для самыхъ дальнихъ поколѣній.

Свобода совѣсти, свобода мысли,—вотъ тотъ жертвенникъ, на которомъ неугасимо пылаетъ присущій человѣку божественный огонь; вотъ источникъ всякой духовной силы, всякаго жизненнаго движенія, всякаго разумнаго устройства; вотъ что даетъ человѣку значеніе безконечное. Все достоинство человѣка основано на свободѣ; на ней зиждутся права человѣческой личности. Какъ свободное существо, человѣкъ гордо поднимаетъ голову и требуетъ къ себѣ уваженія. Вотъ почему, какъ бы низко онъ ни упалъ, въ немъ никогда не изглаживаются человѣческія черты; нравственный законъ не дозволяетъ смотрѣть на него съ точки зрѣнія пользы или вреда, которые онъ приноситъ другимъ. Человѣкъ—не средство для чужихъ цѣлей, онъ самъ абсолютная цѣль. Свободнымъ человѣкъ вступаетъ и въ общество. Ограничивая свою волю совмѣстною волею другихъ, подчиняясь гражданскимъ обязанностямъ, повинуясь власти, представляющей идею общественнаго единства и высшаго порядка, онъ и здѣсь сохраняетъ свое человѣческое достоинство и прирожденное право на безпрепятственное проявленіе разумныхъ своихъ силъ. Общества людей—не стада безсловесныхъ животныхъ, которыя ввѣряются попеченію пасту-

ха до тѣхъ поръ, пока не поступаютъ на убой. Цѣль человѣческихъ союзовъ—благо членовъ, а не польза хозяина. Власть надъ свободными гражданами даетъ пастырямъ народовъ то высокое достоинство, передъ которымъ съ уваженіемъ склоняются люди, и нѣтъ краше, нѣтъ святѣе этого призванія на землѣ, нѣтъ ничего, что бы могло наполнить сердце человѣка такимъ чувствомъ гордости и обязанности.

Идея свободы сосредоточиваетъ въ себѣ все, что даетъ цѣну жизни, все, что дорого человѣку. Отсюда то обаяніе, которое она имѣетъ для возвышенныхъ душъ, отсюда та неудержимая сила, съ которою она охватываетъ въ особенности молодыя сердца, въ которыхъ пылаетъ еще весь идеальный жаръ, отдѣляющій человѣка отъ земли. Глубоко несчастливъ тотъ, чье сердце въ молодости никогда не билось за свободу, кто не чувствовалъ въ себѣ готовности съ радостью за нея умереть. Несчастливъ и тотъ, въ комъ житейская пошлость затушила это пламя, кто, становясь мужемъ, не сохранилъ уваженія къ мечтамъ своей юности, по выраженію поэта:

Sagen sie Ihm, dass er für die Träume seiner Jugend
Soll Achtung tragen, wenn er Mann seyn wird.

Въ зрѣломъ возрастѣ идея свободы очищается отъ легкомыслія, отъ увлеченій, отъ раздражительнаго безпокойства, отъ самонадѣяннаго отрицанія, отъ своеволія, не признающаго надъ собою закона, она сдерживается пониманіемъ жизни, принаравливается къ ея условіямъ; но она не исчезаетъ изъ сердца, а

напротивъ глубже пускаетъ въ немъ свои корни, становясь твердымъ началомъ, которое не подлежитъ колебаніямъ и спокойно управляетъ жизнію человѣка.

Цѣлые народы чувствуютъ на себѣ это могущественное вліяніе идеи, какъ показываетъ исторія. Свобода внезапно объемлетъ своимъ дыханіемъ народъ, какъ бы пробудившійся отъ сна. Передъ нимъ открывается новая жизнь. Стряхнувъ съ себя оковы, онъ встаетъ, возрожденный. Какъ изступленная Пиѳія, изрекая вѣщіе глаголы, проповѣдуя горе сильнымъ земли, онъ съ неодолимою силою низвергаетъ всѣ преграды и несетъ зажженное имъ пламя по всѣмъ концамъ міра. Но желѣзная необходимость скоро сдерживаетъ эти порывы и возвращаетъ свободу къ той стройной гармоніи, къ тому разумному порядку, къ тому сознательному подчиненію власти и закону, безъ которыхъ не мыслима человѣческая жизнь. Волнуясь и ропща, потокъ мало по малу вступаетъ въ свое русло; но свобода не перестаетъ бить ключемъ и даровать свѣжесть и силу тѣмъ, которые приходятъ утолять духовную жажду у этого источника.

Мы, давнишніе либералы, вскормленные на любви къ свободѣ, радуемся новому либеральному движенію къ Россіи. Но мы далеки отъ сочувствія всему, что говорится и дѣлается во имя свободы. Часто ея и не узнаешь въ лицѣ самыхъ рьяныхъ ея обожателей. Слишкомъ часто насиліе, нетерпимость и безуміе прикрываются именемъ обаятельной идеи, какъ под-

земныя силы, надѣвшія на себя доспѣхи олимпійской богини. Либерализмъ является въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, и тотъ, кому дорога истинная свобода, съ ужасомъ и отвращеніемъ отступаетъ отъ тѣхъ уродливыхъ явленій, которыя выдвигаются подъ ея знаменемъ.

Обозначимъ главныя направленія либерализма, которыя выражаются въ общественномъ мнѣніи.

Низшую ступень занимаетъ либерализмъ уличный. Это скорѣе извращеніе, нежели проявленіе свободы. Уличный либералъ не хочетъ знать ничего, кромѣ собственнаго своеволія. Онъ прежде всего любитъ шумъ; ему нужно волненіе для волненія. Это онъ называетъ жизнію, а спокойствіе и порядокъ кажутся ему смертію. Гдѣ слышны яростные крики, неразборчивыя и неистощимыя ругательства, тамъ навѣрно копышется и негодуетъ уличный либералъ. Онъ жадно сторожитъ каждое буйство, онъ хлопаетъ всякому беззаконію, ибо самое слово: законъ, ему ненавистно. Онъ приходитъ въ неистовый восторгъ, когда узнаетъ, что гдѣ нибудь произошелъ либеральный скандалъ, что случилась уличная схватка въ Мадридѣ или Неаполѣ: знай наших! Но терпимости, уваженія къ мысли, уваженія къ чужому мнѣнію, къ человѣческой личности, всего что составляетъ сущность истинной свободы и украшеніе жизни—отъ него не ожидайте. Онъ готовъ стереть съ лица земли всякаго, кто не раздѣляетъ его необузданныхъ порывовъ. Онъ даже не предполагаетъ, что чу-

жое мнѣніе могло явиться плодомъ свободной мысли, благороднаго чувства. Отличительная черта уличнаго либерала та, что онъ всѣхъ своихъ противниковъ считаетъ подлецами. Низкія души понимаютъ одни лишь подлыя побужденія. Поэтому онъ и на средства не разборчивъ. Онъ ратуетъ во имя свободы, но здѣсь не мысль, которая выступаетъ противъ мысли въ благородномъ бою, ломая копья за истину, за идею. Все вертится на личныхъ выходкахъ, на ругательствѣ; употребляются въ дѣло безсовѣстныя толкованія, ядовитые намеки, ложь и клевета. Тутъ стараются не доказать, а отдѣлать, уязвить или оплевать. Иногда уличный либералъ прикидывается джентльменомъ, надѣваетъ палевыя перчатки и какъ будто готовится разсуждать. Но при первомъ столкновеніи, онъ отбрасываетъ несвойственные ему помыслы, онъ входитъ въ настоящую свою роль. Опьянѣлый и безумный, онъ хватается за все, кидаетъ чѣмъ попало, забывая всякій стыдъ, потерявши всякое чувство приличія. Уличный либералъ не терпитъ условій, налагаемыхъ гостинными; онъ чувствуетъ себя дома только въ кабакѣ, въ грязи, которою онъ старается закидать всякаго, кто носитъ чистое платье. Всѣ должны подойти подъ одинъ уровень, одинаково низкій и пошлый. Уличный либералъ питаетъ непримиримую ненависть ко всему, что возвышается надъ толпою, ко всякому авторитету. Ему никогда не приходило на умъ, что уваженіе къ авторитету есть уваженіе къ мысли, къ труду, къ та-

ланту, ко всему, что даетъ высшее значеніе человѣку; а можетъ быть онъ именно потому и не терпитъ авторитета, что видитъ въ немъ тѣ образованныя силы, которыя составляютъ гордость народа и украшеніе человѣчества. Уличному либералу наука кажется насиліемъ, нанесеннымъ жизни, искусство—плодомъ аристократической праздности. Чуть кто отдѣлился отъ толпы, направляя свой полетъ въ верхнія области мысли, познанія и дѣятельности, какъ уже въ либеральныхъ болотахъ слышится шипѣніе пресмыкающихся. Презрѣнные гады вздымаютъ свои змѣиныя головы, вертятъ языкомъ и въ безсильной ярости стараются излить свой ядъ на все, что не принадлежитъ къ ихъ завистливой семьѣ.

Нѣтъ, не въ злобномъ шипѣніи гадъ, не въ пьяномъ задорѣ кулачнаго бойца, узнаемъ мы черты той свѣтлой богини, которой поклоняется человѣкъ въ лучшихъ своихъ помыслахъ, въ идеяльныхъ своихъ стремленіяхъ. Лучъ свободы никогда не проникалъ въ это темное царство лжи, зависти и клеветы. Свобода обитаетъ въ области правды и свѣта, и когда люди изгоняютъ ее изъ своихъ жилищъ, она не прячется въ подземныя норы, но удаляется въ сердца избранниковъ, которые хранятъ для лучшихъ дней драгоцѣнный завѣтъ, добытый страданіемъ и любовью.

Второй видъ либерализма можно назвать либерализмомъ оппозиціоннымъ. Но, Боже мой! Какая тутъ представляется пестрая смѣсь людей! Сколько разнородныхъ побужденій, сколь-

ко разнохарактерныхъ типовъ—отъ Собакевича, который увѣряетъ, что одинъ прокуроръ —порядочный человѣкъ, да и тотъ свинья, до помѣщика, негодующаго за отнятіе крѣпостнаго права, до вельможи, впавшаго въ немилость и потому кинувшагося въ оппозицію, пока не возсіяетъ надъ нимъ улыбка, которая снова обратитъ его къ власти! Кому незнакомо это критическое настроеніе русскаго общества, этотъ избытокъ оппозиціонныхъ изліяній, которыя являются въ столь многообразныхъ формахъ: въ видѣ бранчиваго неудовольствія съ патріархальнымъ и невиннымъ характеромъ; въ видѣ презрительной иронiи и ядовитой усмѣшки, которыя показываютъ, что критикъ стоитъ гдѣ-то далеко впереди, безконечно выше окружающаго міра; въ видѣ глумленія и анекдотцевъ, обличающихъ темныя козни бюрократовъ; въ видѣ неистовыхъ нападковъ, при которыхъ въ одно и то-же время съ одинакою яростью требуются совершенно противоположныя вещи; въ видѣ поэтической любви къ выборному началу, къ самоуправленію, къ гласности; въ видѣ ораторскихъ эффектовъ, сопровождаемыхъ величественными позами; въ видѣ лирическихъ жалобъ, прикрывающихъ лѣнь и пустоту; въ видѣ безпокойнаго стремленія говорить и суєтиться, въ которомъ такъ и проглядываетъ огорченное самолюбіе, желаніе придать себѣ важности; въ видѣ злорадства при всякой дурной мѣрѣ, при всякомъ злѣ, постигающемъ отечество; въ видѣ вольнолюбія, всегда готоваго къ деспотизму, и независимо-

сти, всегда готовой ползать и поклоняться. Не перечтешь тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ оппозиціи, которыми изумляетъ насъ русская земля. Но мы хотимъ говорить не объ этихъ жизненныхъ проявленіяхъ разнообразныхъ наклонностей человѣка; для насъ важенъ оппозиціонный либерализмъ, какъ общее начало, какъ извѣстное направленіе, которое коренится въ свойствахъ человѣческаго духа и выражаетъ одну изъ сторонъ или первоначальную степень свободы.

Самое умѣренное и серьозное либеральное направленіе не можетъ не стоять въ оппозиціи съ тѣмъ, что нелиберально. Всякій мыслящій человѣкъ критикуетъ тѣ дѣйствія или мѣры, которыя не согласны съ его мнѣніемъ. Иначе онъ отказывается отъ свободы сужденія и становится присяжнымъ служителемъ власти. Но не эту законную критику, вызванную тѣмъ или другимъ фактомъ, разумѣемъ мы подъ именемъ оппозиціоннаго либерализма, а то либеральное направленіе, которое систематически становится въ оппозицію, которое не ищетъ достиженія какихъ либо положительныхъ требованій, а наслаждается самымъ блескомъ оппозиціоннаго положенія. Въ этомъ есть своего рода поэзія, есть чувство независимости, есть отвага, есть, наконецъ, возможность болѣе увлекающей дѣятельности и болѣе широкаго вліянія на людей, нежели какіе представляются въ тѣсномъ кругѣ, начертанномъ обыкновенною практической жизнью. Все это невольно соблазняетъ человѣка. Прибавимъ, что этого рода направленіе усвоивается гораздо легче

всякаго другаго. Критиковать несравненно удобнѣе и пріятнѣе, нежели понимать. Тутъ ненужно напряженной работы мысли, внимательнаго и отчетливаго изученія существующаго, разумнаго постиженія общихъ жизненныхъ началъ и общественнаго устройства; не нужно даже дѣйствовать: достаточно говорить съ увлеченіемъ и позировать съ нѣкоторымъ эффектомъ.

Оппозиціонный либерализмъ понимаетъ свободу съ чисто отрицательной стороны. Онъ отрѣшился отъ даннаго порядка и остался при этомъ отрѣшеніи. Отмѣнить, разрѣшить, уничтожить,—вотъ вся его система. Дальше онъ не идетъ, да и не имѣетъ надобности идти. Ему верхомъ благополучія представляется освобожденіе отъ всякихъ законовъ, отъ всякихъ стѣсненій. Этотъ идеалъ, неосуществимый въ настоящемъ, онъ переноситъ въ будущее, или же въ давнопрошедшее. Въ сущности это одно и тоже, ибо исторія, въ этомъ воззрѣніи, является не дѣйствительнымъ фактомъ, подлежащимъ изученію, не жизненнымъ процессомъ, изъ котораго вытекъ современный порядокъ, а воображаемымъ міромъ, въ который можно вмѣстить все, что угодно. До настоящей же исторіи оппозиціонный либералъ не охотникъ. Отрицая современность, онъ по этому самому отрицаетъ и то прошедшее, которое ее произвело. Онъ въ исторіи видитъ только игру произвола, случайности, а, пожалуй, и человѣческаго безумія. Къ тому же настроенію мысли принадлежитъ и поклоненіе неизвѣданнымъ силамъ,

лежащимъ въ таинственной глубинѣ народнаго духа. Чѣмъ извѣстное начало дальше отъ существующаго порядка, чѣмъ оно общѣе, неопредѣленнѣе, чѣмъ глубже скрывается во мглѣ туманныхъ представленій, чѣмъ болѣе поддается произволу фантазіи, тѣмъ оно дороже для оппозиціоннаго либерализма.

Держась отрицательнаго направленія, оппозиціонный либерализмъ довольствуется весьма немногосложнымъ боевымъ снарядомъ. Онъ подбираетъ себѣ нѣсколько категорій, на основаніи которыхъ онъ судитъ обо всемъ; онъ сочиняетъ себѣ нѣсколько ярлычковъ, которые цѣликомъ наклеиваетъ на явленія, обозначая тѣмъ похвалу или порицаніе. Вся общественная жизнь разбивается на два противоположные полюса, между которыми проводится непроходимая и неизмѣнная черта. Похвалу означаютъ ярлычки: община, міръ, народъ, выборное начало, самоуправленіе, гласность, общественное мнѣніе и т. п. Какіе положительные факты и учрежденія подъ этимъ разумѣются, вѣдаетъ одинъ Богъ, да и то врядъ ли. Извѣстно, что все идетъ какъ нельзя лучше, когда люди все дѣлаютъ сами. Только неестественное историческое развитіе, да аристократическіе предразсудки, отъ которыхъ надобно избавиться, виноваты, что мы не сами шьемъ себѣ платье, готовимъ себѣ обѣдъ, чинимъ экипажи. Одно возвращеніе къ первобытному хозяйству, къ первобытному самоуправленію можетъ водворить благоденствіе на землѣ. Этимъ свѣтлымъ

началамъ, царству Ормузда, противополагаются духи тьмы, царство Аримана. Эти мрачные демоны называются: централизація, регламентація, бюрократія, государство. Ужасъ объемлетъ оппозиціоннаго либерала при звукѣ этихъ словъ, отъ которыхъ все горе человѣческому роду. Здѣсь опять не нужно разбирать, что подъ ними разумѣется; къ чему такой трудъ? Достаточно приклеить ярлычекъ, сказать, что это—централизація или регламентація, и дѣло осуждено безвозвратно. У большей части нашихъ оппозиціонныхъ либераловъ весь запасъ мыслей и умственныхъ силъ истощается этою игрою въ ярлычки.

Въ практической жизни оппозиціонный либерализмъ держится тѣхъ же отрицательныхъ правилъ. Первое и необходимое условіе—не имѣть ни малѣйшаго соприкосновенія съ властью, держаться какъ можно дальше отъ нея. Это не значитъ однако, что слѣдуетъ отказываться отъ доходныхъ мѣстъ и чиновъ. Для природы русскаго человѣка такое требованіе было бы слишкомъ тяжело. Многіе и многіе оппозиціонные либералы сидятъ на теплыхъ мѣстечкахъ, надѣваютъ придворный мундиръ, дѣлаютъ отличную карьеру, и тѣмъ не менѣе считаютъ долгомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, бранить то правительство, которому они служатъ, и тотъ порядокъ, которымъ они наслаждаются. Но чтобы независимый человѣкъ дерзнулъ сказать слово въ пользу власти,— Боже упаси! Тутъ поднимется такой гвалтъ, что и своихъ неузнаешь. Это—низкопоклонство, в

честолюбіе, продажность. Извѣстно, что всякій порядочной человѣкъ долженъ непремѣнно стоять въ оппозиціи и ругаться.

За тѣмъ слѣдуетъ планъ оппозиціонныхъ дѣйствій. Цѣль ихъ вовсе нета, чтобы противодѣйствовать положительному злу, чтобы практическимъ путемъ, соображаясь съ возможностью, добиться исправленія. Оппозиція не нуждается въ содержаніи. Все дѣло общественныхъ двигателей состоитъ въ томъ, чтобы агитировать, вести оппозицію, дѣлать демонстраціи и манифестаціи, выкидывать либеральные фокусы, устроить какую нибудь штуку кому нибудь въ пику, подобрать статью свода законовъ, присвоивъ себѣ право произвольнаго толкованія, уличить квартальнаго въ томъ, что онъ прибилъ извощика, обойти цензуру статейкою съ таинственными намеками и либеральными эффектами, или еще лучше, напечатать какую нибудь брань за границею, собирать вкругъ себя недовольныхъ всѣхъ сортовъ, изъ самымъ противоположныхъ лагерей, и съ ними отводить душу въ невинномъ свгрѣшѣніи, въ особенности же протестовать, протестовать при малѣйшемъ поводѣ и даже безъ всякаго повода. Мы до протестовъ большіе охотники. Опо, правда, совершенно безполезно, но зато и безвредно, а между тѣмъ выражаетъ благородное негодованіе и усладительно дѣйствуетъ на огорченныя сердца публики

Оппозиція болѣе серьозная, нежели та, которая является у насъ, нерѣдко впадаетъ въ рутину оппозиціонныхъ дѣйствій и тѣмъ подры-

ваетъ свой кредитъ и заграждаетъ себѣ возможность вліянія на общественныя дѣла. Правительство всегда останется глухо къ тѣмъ требованіямъ, которыя относятся къ нему чисто отрицательно, упуская изъ вида собственное его положеніе и окружающія его условія. Такого рода отношеніе почти всегда бываетъ въ странахъ, гдѣ оппозиціонная партія не имѣетъ возможности сама сдѣлаться правительствомъ и пріобрѣсти практическое знакомство съ значеніемъ и условіями власти. Постоянная оппозиція неизбѣжно дѣлаетъ человѣка узкимъ и ограниченнымъ. Поэтому, когда наконецъ открывается поприще для дѣятельности, предводители оппозиціи нерѣдко оказываются неспособными къ правленію, а либеральная партія, по старой привычкѣ, начинаетъ противодѣйствовать своимъ собственнымъ вождямъ, какъ скоро они стали министрами.

Если либеральное направленіе не хочетъ ограничиваться пустословіемъ, если оно желаетъ получить дѣйствительное вліяніе на общественныя дѣла, оно должно искать иныхъ началъ, началъ зиждущихъ, положительныхъ; оно должно приправливаться къ жизни, почерпать уроки изъ исторіи; оно должно дѣйствовать, понимая условія власти, не становясь къ ней въ систематически враждебное отношеніе, не предъявляя безразсудныхъ требованій, но сохраняя безпристрастную независимость, побуждая и задерживая, гдѣ нужно, и стараясь изслѣдовать истину хладнокровнымъ обсужденi-

емъ вопросовъ. Это и есть либерализмъ охранительный.

Свобода не состоитъ въ одномъ пріобрѣтеніи и расширеніи правъ. Человѣкъ потому только имѣетъ права, что онъ несетъ на себѣ обязанности, и наоборотъ, отъ него можно требовать исполненія обязанностей, единственно потому что онъ имѣетъ права. Это два начала неразрывныя. Все значеніе человѣческой личности и вытекающихъ изъ нея правъ основано на томъ, что человѣкъ есть существо разумно-свободное, которое носитъ въ себѣ сознаніе верховнаго нравственнаго закона и въ силу свободной своей воли способно дѣйствовать по представленію долга. Абсолютное значеніе закона дастъ абсолютное значеніе и человѣческой личности, его сознающей. Отнимите у человѣка это сознаніе — онъ становится на ряду съ животными, которыя повинуются влеченіямъ и не имѣютъ правъ. Къ нимъ можно имѣть привязанность, состраданіе, а не уваженіе, потому что въ нихъ нѣтъ безконечнаго элемента, составляющаго достоинство человѣка.

Но верховный нравственный законъ, идея добра, это непремѣнное условіе свободы, не остается отвлеченнымъ началомъ, которое дѣйствуетъ на совѣсть, и которому человѣкъ можетъ повиноваться и не повиноваться по своему усмотрѣнію. Идея добра осуществляется во внѣшнемъ мірѣ; она соединяетъ людей въ общественные союзы, въ которыхъ лица связываются постоянною связью, подчиняясь поло--

жительному закону и установленной власти. Каждый человѣкъ рождается членомъ такого союза. Онъ получаетъ въ немъ положительныя права, которыя всѣ обязаны уважать, и положительныя обязанности, за нарушеніе которыхъ онъ подвергается наказанію. Личная его свобода, будучи неразрывно связана съ свободою другихъ, можетъ жить только подъ сѣнью гражданскаго закона, повинуясь власти, его охраняющей. Власть и свобода точно также нераздѣльны, какъ нераздѣльны свобода и нравственный законъ. А если такъ, то всякій гражданинъ, не преклоняясь безусловно передъ властью, какова бы она ни была, во имя собственной свободы обязанъ уважать существо самой власти.

«Немного философіи, сказалъ Бэконъ, отвращаетъ отъ религіи; болѣе глубокая философія возвращаетъ къ ней». Эти слова можно примѣнить къ началу власти. Чисто отрицательное отношеніе къ правительству, систематическая оппозиція—признакъ дѣтства политической мысли. Это первое ея пробужденіе. Отрѣшившись отъ безотчетнаго погруженія въ окружающую среду, впервые почувствовавъ себя независимымъ, человѣкъ радуется необъятною радостью. Онъ забываетъ все, кромѣ своей свободы. Онъ оберегаетъ ее жадно, какъ недавно обрѣтенное сокровище, боясь потерять изъ нея малѣйшую частичку. Внѣшнія условія и ограниченія для него не существуютъ. Историческое развитіе, установленный порядокъ, все это—отвергнутая старина; это—сонъ, ко-

торый предшествовалъ пробужденію. Человѣкъ въ себѣ самомъ видитъ центръ вселенной и исполненъ безграничнаго довѣрія къ своимъ силамъ. Но когда чувство свободы возмужало и глубоко укоренилась въ сердцѣ, когда оно утвердилось въ немъ незыблемо, тогда человѣку нечего опасаться за свою независимость. Онъ не сторожитъ ее боязливо, потому что это — не новое, не внѣшнее пріобрѣтеніе, а самая жизнь его духа, мозгъ его костей. Тогда яснѣе раскрывается передъ нимъ отношеніе этого внутренняго центра къ окружающему міру. Онъ не отрѣшается отъ послѣдняго въ своевольномъ порывѣ, но, сохраняя безконечную свободу мысли и непоколебимую твердость совѣсти, онъ сознаетъ связь своего внутренняго міра съ внѣшнимъ; онъ постигаетъ зависимость своей внѣшней свободы отъ свободы другихъ, отъ историческаго порядка, отъ положительнаго закона, отъ установленной власти. Исторія и современность не представляются ему произведеніемъ безконечнаго произвола и случайности, предметомъ ненависти и отрицанія. Уважая свободу другихъ, онъ уважаетъ и общій порядокъ, который вытекъ изъ свободы народнаго духа, изъ развитія человѣческой жизни. За отрицаніемъ слѣдуетъ примиреніе, за отрѣшеніемъ отъ началъ, владычествующихъ въ мірѣ—возвращеніе къ нимъ, но возвращеніе не безсознательное, какъ прежде, а разумное, основанное на постиженіи истиннаго ихъ существа и возможности дальнѣйшаго хода. Разумное отношеніе къ окружающему міру состав-

ляетъ положительный плодъ и высшее проявленіе человѣческой свободы. Оно же и необходимое условіе для ея водворенія въ обществѣ. Свобода не является среди людей, которые дѣлаютъ изъ нея предлогъ для шума или орудіе интригъ. Неистовые крики ее прогоняютъ, оппозиція безъ содержанія не въ силахъ ее вызвать. Свобода основываетъ свое жилище только тамъ, гдѣ люди умѣютъ цѣнить ея дары, гдѣ въ обществѣ утвердились терпимость, уваженіе къ человѣку и поклоненіе всѣмъ высшимъ силамъ, въ которыхъ выражается свободное творчество человѣческаго духа.

Сущность охранительнаго либерализма состоитъ въ примиреніи начала свободы съ началомъ власти и закона. Въ политической жизни лозунгъ его: либеральныя мѣры и сильная власть—либеральныя мѣры, предоставляющія обществу самостоятельную дѣятельность, обезпечивающія права и личность гражданъ, охраняющія свободу мысли и свободу совѣсти, дающія возможность высказываться всѣмъ законнымъ желаніямъ,—сильная власть, блюстительница государственнаго единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядокъ, строго надзирающая за исполненіемъ закона, пресѣкающая всякое его нарушеніе, внушающая гражданамъ увѣренность, что во главѣ государства есть твердая рука, на которую можно надѣяться и разумная сила, которая съумѣетъ отстоять общественные интересы и противъ напора анархическихъ стихій и противъ воплей реакціонныхъ партій.

Въ дѣйствительности, государство съ благоустроеннымъ общежитіемъ всегда держится сильною властью, развѣ когда оно склоняется къ паденію или подвергается временному разстройству. Но и временное ослабленіе власти ведетъ къ болѣе энергическому ея возстановленію. Горькій опытъ научаетъ народы, что имъ безъ сильной власти обойтись невозможно, и тогда они готовы кинуться въ руки перваго деспота. Опытъ же обличаетъ всю несостоятельность оппозиціоннаго либерализма. Отсюда то обыкновенное явленіе, что тѣже самые либералы, которые въ оппозиціи ратовали противъ власти, получивъ правленіе въ свои руки, становятся консерваторами. Это считается признакомъ двоедушія, низкопоклонства, честолюбія, отрекающагося отъ своихъ убѣжденій. Все это, безъ сомнѣнія, слишкомъ часто справедливо; но тутъ есть и болѣе глубокія причины, которыя заставляютъ самаго честнаго либерала впасть въ противорѣчіе съ собою. Необходимость управлять на дѣлѣ разскрываетъ всѣ тѣ условія власти, которыя упускаются изъ вида въ оппозиціи. Тутъ недостаточно произвовить агитацію; надобно дѣлать дѣло; нужно не разрушать, а устраивать, не противодѣйствовать, а скрѣплять, и для этого требуются положительные взгляды и положительная сила. Либералъ, облегченный властью, по неволѣ бываетъ принужденъ дѣлать именно то, противъ чего онъ возставалъ, будучи въ оппозиція. Мнѣ случилось по этому поводу слышать отъ знаменитаго Бунзена слѣдующій

характеристическій анекдотъ, который показываетъ, какъ на это смотрятъ государственные люди въ свободныхъ странахъ- Когда О' Коннель былъ выбранъ Дублинскимъ меромъ, Бунзенъ, бывшій тогда прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, спросилъ у сэръ Роберта-Пиля, въ то время перваго министра: не безпокоитъ ли его этотъ выборъ? «Совсѣмъ напротивъ, отвѣчалъ сэръ Робертъ-Пиль, дла усмиренія демагога нѣтъ лучшаго средства, какъ дать ему какую нибудь власть въ руки; онъ по необходимости становится ея защитникомъ».

Политическій кризисъ въ Пруссіи.

Настоящій кризисъ въ Пруссіи знаменателенъ, какъ въ отношеніи къ внутренней политикѣ этого государства, такъ и относительно цѣлой Германіи и даже всего политическаго положенія Европы. Изъ него можно почерпнуть уроки, которые не должны ускользнуть отъ внимательнаго наблюдателя.

Извѣстно, что 48-й годъ выдвинулъ въ Германіи двоякаго рода либеральное движеніе: стремленіе къ конституціоннымъ формамъ и къ національному единству. И то и другое въ 49-мъ году потерпѣли крушеніе. Фридрихъ-Вильгельмъ IV-й отрекся отъ роли, которую Пруссія призвана была играть въ Германіи, и возстановилъ, если не прежній абсолютизмъ, то бюрократическое правленіе, которое оставляло камерамъ только тѣнь самостоятельности. Однако либеральныя стремленія не исчезли. Германія отвернулась отъ анархическаго броженія, которое являлось послѣдствіемъ революціи; но желаніе конституціоннаго порядка и національнаго единства укоренялось болѣе и болѣе, не только въ образованныхъ слояхъ общества, но и въ массахъ

народа. Вотъ почему такимъ радостнымъ привѣтствіемъ встрѣчено было вступленіе на престолъ короля Вильгельма, котораго первымъ дѣломъ, какъ регента, было составленіе либеральнаго министерства и провозглашеніе конституціонныхъ началъ. Надѣялись, что Германія вступитъ наконецъ на твердую законную почву; многіе надѣялись, что и національныя стремленія нашли себѣ главу, достойнаго сдѣлаться вождемъ великаго народа. Это подтверждалось, особенно въ послѣднее время, тою ролью, которую Пруссія очевидно хотѣла играть въ Германіи.

Въ настоящую минуту всѣ эти надежды рушились. Пруссія дѣлаетъ внезапный поворотъ назадъ, подобный повороту 49-го года. Съ этимъ вмѣстѣ измѣняется и все положеніе дѣлъ.

Конституціонный порядокъ очевидно значитъ правленіе, согласное съ желаніемъ большинства народа, выраженнымъ черезъ собраніе народныхъ представителей. Такъ онъ понимается во всѣхъ странахъ, гдѣ конституція исполняется искренно и утвердилась въ нравахъ. Въ Англіи парламентское правленіе давнымъ давно не подлежитъ колебаніямъ. Во Франціи одинъ только конституціонный монархъ хотѣлъ дѣйствовать вопреки этимъ правиламъ; то былъ Карлъ X-й. Результатомъ попытки было его паденіе. Но въ Германіи многіе мечтаютъ о возможности конституціоннаго правленія съ значительнымъ перевѣсомъ монархическаго начала, съ независимостью министерства отъ большинства палатъ. Исторія дѣйстви-

тельно представляетъ намъ примѣры подобнаго устройства. Оно бываетъ тамъ, гдѣ правительство до такой степени сильно, что оно въ состояніи держать палату въ своихъ рукахъ, гдѣ народное представительство обращается въ призракъ, то есть, гдѣ въ сущности нѣтъ конституціоннаго порядка, а сохраняются одпѣ лишь его формы. Нѣчто подобное представляютъ обѣ французскія имперіи и Пруссія съ 49-го года. Такое положеніе возможно, пока общественное мнѣніе дремлетъ; но какъ скоро оно пробудилось, коль скоро палаты ускользнули изъ рукъ правительства, этотъ порядокъ продолжаться не можетъ. Если онъ не приводитъ къ революціи, то слѣдствіемъ его бываетъ внутренняя разладица, постоянная борьба между правительствомъ и камерами, борьба, которая подтачиваетъ силы государства и все таки кончается паденіемъ министерства. Въ мелкихъ державахъ эти пренія превращаются въ семейную ссору, принимаютъ видъ домашнихъ сплетенъ, которыя составляютъ самый существенный, но вмѣстѣ и самый безплодный интересъ страны. Въ Баваріи долголѣтнія распри палатъ съ министерствомъ привели наконецъ къ удаленію фонъ-деръ-Пфордтена.

Къ той же политикѣ возвращается и король Вильгельмъ. Объявивъ, что онъ хочетъ быть настоящимъ конституціоннымъ королемъ, собравши вокругъ себя людей, которые находили поддержку въ общественномъ мнѣніи, онъ снова распускаетъ либеральное министерство; призванные къ правленію послѣдователи ман-

тейфельской системы, начинаютъ говорить о несокрушимыхъ правахъ короны, которымъ въ конституціонномъ смыслѣ никто не угрожалъ; они ратуютъ противъ такъ называемаго парламентскаго правленія, выдавая его за изобрѣтеніе демократіи, тогда какъ въ сущности это не что иное какъ настоящій конституціонный порядокъ. Конституціонное правленіе можетъ не приходиться народу; едва ли было бы полезно ввести его, напримѣръ, въ Персію. Но если персидскій шахъ объявитъ, что онъ, соображая настоящія потребности народа, отнынѣ хочетъ быть англійской королевой, онъ не можетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставаться персидскимъ шахомъ. Нельзя плясать на двухъ канатахъ, которые натянуты на разныхъ высотахъ. Нельзя быть вмѣстѣ и конституціоннымъ королемъ и самодержавнымъ. Правительство не можетъ сдѣлать большей политической ошибки, какъ поставивъ себя въ неясное и невѣрное положеніе. Или не надобно дѣлать шага, или надобно дѣлать его рѣшительно и откровенно, ставши на твердую почву.

Ошибка становится еще важнѣе, если поворотъ дѣлается безъ значительнаго повода, который бы кидался всѣмъ въ глаза. Когда правительство, при видѣ анархическихъ стремленій общества, хочетъ возстановить энергію власти, оно можетъ надѣяться на сочувствіе народа. Крайности либерализма всегда вызываютъ реакцію. Но что же сдѣлала прусская палата? Отказала ли она въ налогахъ, какъ въ 1849-мъ году? высказались ли въ ней республиканскія стрем-

ленія или какія нибудь неслыханныя притязанія? Ничуть не бывало. Она потребовала того, что составляетъ азбуку всякаго конституціоннаго правленія—дѣйствительнаго контроля надъ финансами. Правительство до такой степени считало это требованіе законнымъ и совмѣстнымъ съ правами короны, что само министерство предлагало ввести его на будущій годъ, прося отсрочки только на нынѣшній. Палата съ этимъ не согласилась. Ея рѣшеніе могло имѣть неудобства, но во всякомъ случаѣ, она была въ своемъ правѣ; она не посягала на законную власть короля. Положимъ даже, что за этимъ постановленіемъ могли послѣдовать другія, болѣе радикальныя. Но въ такомъ случаѣ надобно было ихъ дожидаться, чтобы показать народу, къ чему стремятся его представители. Тогда можно было надѣяться на сочувствіе.

Въ сущности подъ этимъ скрывается совершенно другое. Рѣшеніе палаты ставитъ преграду личнымъ предположеніямъ короля на счетъ преобразованія войска. Но въ конституціонной монархіи нѣтъ ничего, что бы до такой степени подрывало значеніе правительства, какъ личные виды и личное управленіе. Конституціонный король становится выше обыкновеннаго хода администраціи, оставаясь хранителемъ общихъ интересовъ народа, знаменемъ, вокругъ котораго собираются всѣ, безъ различія партій. Какъ скоро онъ нисходитъ съ этой высоты и проводитъ въ управленіе свои личные виды, онъ нарушаетъ конституціонный порядокъ.

Между тѣмъ, изъ-за болѣе или менѣе хорошаго устройства военной части, разрушается живая связь правительства съ народомъ, возбуждается политическое волненіе, которое Богъ знаетъ къ чему можетъ привесть, наконецъ уничтожается значеніе Пруссіи въ Германіи. Кто бывалъ въ Германіи, знаетъ до какой степени южные нѣмцы имѣютъ естественное нерасположеніе къ Пруссіи. Холодные, педантическіе пріемы, ограниченная самонадѣянность, мелочная надменность прусаковъ имъ ненавистны. Они не терпятъ Берлина—города прозаической плоскости, разбитыхъ на квадраты улицъ, солдатчины и бюрократіи. Это нерасположеніе служитъ едва ли не главнымъ препятствіемъ къ объединенію Германіи. Отсюда относительная популярность, которою пользуется въ южной Германіи велико-нѣмецкая партія, которая хочетъ единства Германіи со включеніемъ Австріи. Но этотъ планъ очевидно несостоятеленъ, а потому корифеи южногерманскаго либерализма обращаютъ свои взоры къ Пруссіи, составляя такъ называемую готскую партію. Имъ приходится бороться съ весьма значительными трудностями, и прежде всего съ неумѣніемъ Пруссіи сдѣлаться популярною. Въ послѣднее время прогрессивныя стремленія прусскаго правительства начинали преодолѣвать нелюбовь южно-нѣмецкаго племени. Каждый новый шагъ Пруссіи былъ для нея побѣдою. Нынѣшній поворотъ уничтожаетъ все это. Прусской гегемоніи въ Германіи нанесенъ такой ударъ, отъ котораго не легко

оправиться. Если даже прусское правительство образумится или принуждено будетъ снова вступить на конституціонную дорогу, дѣло все таки испорчено безвозвратно. Правительство ослабленное, потерявшее довѣріе, показавшее стремленія, совершенно противоположныя выставленному имъ знамени, не можетъ сдѣлаться вождемъ народа, двигателемъ великаго національнаго дѣла. Если Пруссія хотѣла стать во главѣ Германіи, на это было одно средство: рѣшительное и неуклонное шествіе по избранному пути.

Б. ЧИЧЕРИНЪ.